DOI: 10.17689/psy-2017.2.4

УДК 159.9.07

Личностный смысл как показатель принятия личностью нового праздника

© 2017 Борисова Анастасия Михайловна*

***младший научный сотрудник Института психологии Российской Академии Наук (г. Москва), anamibo@yandex.ru**

Аннотация. Рассматривается психологическое значение праздника для личности, предпосылки и условия его принятия. Теоретически показано, что любое явление представляет смысл для личности только в случае привнесения индивидуально-личностного отношения к нему. С помощью контент-анализа были выявлены компоненты субъективной картины праздника современного человека и подтверждено их смыслообразующее значение. Сделан вывод: новый праздник будет принят личностью, когда провозглашаемые ценности значимого события будут включены в ее смысловую сферу как свои собственные.

Ключевые слова: праздник; личностный смысл; смысловая сфера личности; психологические факторы принятия праздника.

Personal meaning as an indicator of the person's acceptance of a new holiday

© 2017 Borisova Anastasiia Mihaylovna*

***Junior Researcher of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (Moscow), anamibo@yandex.ru**

Annotation. The article considers the psychological meaning of a holiday for a person, the prerequisites and the conditions of its acceptance. It was shown theoretically that every phenomenon is meaningful to an individual only in the case of introducing individual-personal relationship to it. The content analysis method helps to identify the components in subjective picture of celebration of a modern person and to confirm their semantic value. The conclusion is: a new holiday will be accepted by a person when the proclaimed values of significant events will be included in his semantic sphere as his own.

Keywords: holiday; personal meaning; semantic sphere of personality; psychological factors of holiday acceptance.

Вся жизнедеятельность человека с самого рождения протекает в определенной социальной среде, обусловленной культурно-историческими особенностями, поэтому формирование его психики и всего субъективного опыта происходит под их непосредственным влиянием. Одним из явлений, «транслирующим» культурно-исторический контекст, является праздник. Праздники как одна из древнейших форм человеческого бытия, аккумулирует и преломляет искания человека в разные исторические эпохи. С одной стороны, праздник формирует определенную социокультурную ситуацию, а с другой – существует в соответствии с ней, вычленяя и сохраняя в первую очередь ценности, нравственные нормы и принципы, провозглашаемые и одобряемые в конкретном обществе. Именно поэтому период праздников является особым временем, когда человек, освободившись от будничных дел и забот, имеет возможность прикоснуться к реальности особого свойства. Специфичность этой реальности заключается в том, что она находится вне сферы материальной пользы и относится не к миру средств, а к миру идеалов. [Бахтин, 1990; Мазаев, 1978; Элиаде, 2013]

Большинство исследователей праздничной культуры отмечает, что праздники необходимы для полноценной жизнедеятельности человека. «Они являются необходимым условием социального существования и

специфическим выражением человека <…>, обладающего уникальной способностью праздновать, т.е. включать в свою жизнь радости других людей и опыт культуры предшествующих поколений» [Мазаев, 1978, с.9]. Опыт культуры – это ничто иное как основания культуры (по В.С.Степину), или глубинные программы социальной жизнедеятельности, представляющие собой «предельно обобщенную систему мировоззренческих представлений и установок, которые формируют целостный образ человеческого мира» [Степин, 2007, с.216]. Формы, в которых реализуются данные представления, В.С.Степин называет мировоззренческими универсалиями, которые систематизируют и аккумулируют человеческий опыт. Через их усвоение происходит социализация индивида и формирование его как личности, поскольку они определяют способ осмысления, понимания и переживания человеком мира. «Для человека, сформированного соответствующей культурой, смыслы ее мировоззренческих универсалий чаще всего выступают как нечто само собой разумеющееся, как презумпции, в соответствии с которыми он строит свою деятельность, и которые он обычно не осознает в качестве глубинных оснований своего миропонимания и мироощущения» [Степин, 2007, с.219].

Для того, чтобы лучше понять механизм взаимопроникновения личности и культуры, обратимся к концепции Б.С.Братуся, в рамках которой ведущая роль отводится смысловой сфере личности и особенностям ее функционирования. Б.С.Братусь предлагает рассматривать культуру как систему понятий, норм, образцов, представлений, бытующих в конкретной среде. Все эти компоненты существуют сами по себе только до тех пор, пока конкретный человек не выразит своего индивидуально-личностного отношения к ним, пока не придаст им свой личностный смысл. Осознанные и принятые человеком личностные смыслы становятся, по мнению Б.С.Братуся, личностными ценностями, которые лежат в основе его нравственной позиции (совокупность основных отношений человека к миру, к другим людям, к самому себе). «Исповедание этих ценностей закрепляет единство и

самотождество личности <…>, надолго определяя главные характеристики личности, ее стержень, ее мораль» [Братусь, 1999, с.415]. Рассмотрение личности (в широком понимании) в качестве «динамической системы смысловых образований, опосредствующих ее главных мотивов и способов их реализации» [Братусь, 1999, с.417] является существенным, поскольку позволяет раскрыть внутренний механизм процесса соотнесения личностью себя со всем окружающим миром и другими людьми. Получается, что именно смысловая сфера составляет особую психологическую субстанцию личности и определяет ее личный слой отражения, благодаря которому она и выстраивает всю свою жизнедеятельность.

Понимание личности «как способа формирования отношений к родовой человеческой сущности, и прежде всего к другому человеку» [Братусь, 1999, с.423], является, по мнению Б.С.Братуся, тем общим критерием, отделяющим собственно личностное в смыслообразовании от неличностного. Отталкиваясь от данного критерия, автор выделяет уровни смысловой сферы личности. Нулевой уровень – прагматические, ситуационные смыслы, определяемые предметной логикой достижения цели в конкретных условиях; первый уровень – эгоцентрический, где исходным моментом является личная выгода, удобство и т.п., и все другие люди расцениваются как «хорошие» (помогающие) или как «плохие» (препятствующие); второй уровень – группоцентрический, на котором определяющим смысловым моментом становится близкое окружение человека, группа, которую он отождествляет с собой или ставит выше себя; третий уровень – просоциальный – включает коллективистскую, общественную и общечеловеческую (собственно нравственную) смысловые ориентации, характеризующиеся внутренней смысловой устремленностью человека на создание результатов, которые принесут равное благо другим людям, обществу, человечеству в целом.

Эти уровни смысловой сферы составляют вертикаль, ординату сетки смысловых отношений. По горизонтали, абсциссе этой сетки, располагаются «показатели» степени присвоенности смысловых содержаний личностью: а)

неустойчивые, или ситуативные, характеризуются зависимостью от внешних обстоятельств; б) устойчивые, личностно присвоенные, занявшие определенное место в общей структуре смысловой сферы; в) личностные ценности как осознанные и принятые человеком наиболее общие смыслы его жизни. [Братусь, 1999, с.427]

Данная «система координат» помогает наглядно продемонстрировать, что праздники, отражая прежде всего ценностный аспект накопленного коллективного опыта, взаимодействуют с личностью на просоциальном уровне смысловой сферы, минуя все остальные. При этом подразумевается, что развитие смысловой сферы личности будет состоять в одновременном движении по вертикали и горизонтали – к общечеловеческим представлениям и с тенденцией перехода от эпизодических отношений к устойчивым и осознанным ценностно-смысловым ориентациям; и тогда человек будет способен уловить, почувствовать и принять праздник как таковой, саму его суть. Ведь подлинный праздник призван вырывать человека и человеческие коллективы из каждодневного автоматизма и наполнять их смыслом: «полнота смысла, насыщающего душу в праздничных переживаниях, изливается и в наше будничное существование. И тогда последнее наполняется внутренним порядком и смыслом» [Рашковский, 2008, с.148-149]. Тот механизм, благодаря которому происходит подобное смысловое наполнение, заключается в функционировании смысловых систем человека. «Смысловые системы, по крайней мере высшие, нравственно-ценностные их уровни, несут в себе функцию не столько отражения, сколько *преображения* действительности, связывания разнородных и частных интересов, нижележащих смыслов <…> в единый, определяющий суть и назначение человека взгляд на самого себя и на окружающую жизнь» [Братусь, 1999, с.430].

Подобная смысловая наполненность должна присутствовать во всяком праздновании; именно в этом состоит его изначальное предназначение. Однако, в настоящее время все большую популярность получают праздники преимущественно развлекательного характера и зачастую не имеющие какого-

либо содержательного компонента, наличие которого побуждало бы группу к совместному проявлению и актуализации провозглашаемых ценностей и норм. Постепенно праздник утрачивает свою роль, заключающуюся в интеграции членов социума, а также в сохранении и передаче следующим поколениям того ценного и самобытного, что делает определенную культуру уникальной.

Истории известны многочисленные примеры, когда при смене одной социально-политической парадигмы на другую праздник служил инструментом для утверждения новых взглядов и образцов организации коллективной жизни. Праздничный календарь нашей страны не является исключением: с начала прошлого века он не один раз подвергался изменениям. Современная ситуация в праздничной сфере представляет собой поисковую деятельность по установлению необходимых праздников. Одним из относительно последних нововведений является отмена в 2005 году дня годовщины октябрьской революции (7 ноября) и учреждение Дня народного единства, отмечаемого 4 ноября.

Цель нашего эмпирического исследования состояла в том, чтобы выяснить, что собой представляет субъективная картина праздника современного человека, и будут ли в ней проявляться смыслообразующие признаки, те, которые соответствуют просоциальному уровню смысловой сферы личности, на котором происходит «встреча» личности с праздником. Напомним, он включает коллективистскую, общественную и общечеловеческую смысловые ориентации, характеризующиеся внутренней устремленностью человека на создание результатов, которые принесут равное благо другим людям, обществу.

Выборку первого этапа исследования составили 169 взрослых респондентов (старше 19 лет), жителей России, средний возраст 38 лет; мужчины 25%, женщины 75%. Респондентам предлагалось ответить на вопросы анкеты открытого типа, разработанной М.И.Воловиковой [Воловикова, 2003]. Анкета состояла из следующих пунктов: назвать ассоциации со словом «праздник», завершить неоконченное предложение –

«Для меня праздник – это…», а также просьбу описать особенно запомнившийся праздник и пояснить, чем именно он запомнился; а также указать возраст и пол.

В результате обработки ответов, полученных с помощью метода неоконченных предложений, используя контент-анализ, были выделены следующие смысловые слова-единицы*: родные (83%), близкие (79%), друзья (72%), встреча (68%), стол/застолье (67%), радость (67%), веселье (65%), хорошее настроение (63%), общение (62%), отдых (61%), много (60%), вся/все (58%)*. Полученные слова позволяют заключить, что праздник для респондентов представляется как *встреча с их ближайшим окружением в хорошем настроении за общим столом с целью пообщаться и отдохнуть, испытывая при этом радость и веселье*.

Коллективистская ориентация проявилась в обязательной *встрече с близкими и друзьями*, что отражает потребность респондентов во взаимодействии с другими людьми. То благо, которое несут все участники заключается в совместном разделении трапезы (*застолье*), *общении* и *отдыхе* в *хорошем настроении.* Понятно, что это лишь поверхностная часть определенных процессов, происходящих в праздничный период, но даже она отражает те первостепенные потребности, которые удовлетворяются во время праздника. А вот получаемые в результате общения *радость* и *веселье* отчасти выражают одно из главных назначений праздника – получение отдохновения от рутины будничных дней и пребывание в радости, дающее мощный заряд на следующий трудовой период. Выявление единого смыслового содержания самого праздника на данном этапе исследования было невозможно, поскольку в вопросах анкеты подразумевалось называть те праздники, которые запомнились больше всего (упоминались разные праздники).

Второй этап нашего эмпирического исследования заключался в разработке анкеты, которая размещалась на сайте ИП РАН каждый год в осенний период, начиная с 2007. Анкета построена по тем же принципам, что и анкета первого этапа исследования и включает следующие вопросы:

продолжить предложение «Для меня праздник 4 ноября – это …»; назвать первые три слова, которые приходят в связи со словами «праздник 4 ноября»; ответить, был ли праздник 4 ноября, который особенно запомнился, и, если да, то чем; написать, что означает старый (теперь) праздник 7 ноября.

Выборку составили 293 респондента (мужчин 27%, женщин 73%), средний возраст 36 лет, из разных регионов России. Анализируя ответы, полученные в неоконченном предложении («Для меня праздник 4 ноября – это …»), мы имели возможность сравнить данные первого и второго этапов – насколько картина обычного праздника будет соответствовать сложившимся представлениям о новом – Дне народного единства.

Из полученного массива ответов подавляющее большинство заканчивало данное предложение словом *выходной (93%)*; затем упоминались: *непонятно что (60%), обычный день (58%), не праздник (56%), придуманный (навязанный) праздник (53%), вместо 7 ноября (51%), день народного единства (49%), день освобождения Москвы (44%), новое/нововведение (43%)*. По ответам респондентов, видно, что пока 4 ноября остается просто выходным и праздником не воспринимается, что частично оправдано тем, что это относительно новый праздник. Характерно, что формулировки ответов содержат процесс осмысления значения нового праздника (*непонятно что, не праздник, придуманный, вместо 7 ноября*), а значит наличествует потребность в нахождении такого смысла.

Для сравнения приведем результаты ответов, касающихся бывшего государственного праздника, отмечаемого в нашей стране 7 ноября. На вопрос – «Что для Вас означает старый (теперь) праздник 7 ноября?» – большинство ответило: (*теперь уже/ сейчас) ничего (62%)*; далее в порядке убывания – *демонстрация/ парад (58%), революция/ годовщина революции (49%), праздник (38%), детство/детский (36%), единство/ сплоченность (35%), воспоминания (33%), история/ историческая дата (32%), народ/ народный (31%), прошлое (29%), память/ памятная дата (26%)*.

В ответах респондентов заметны две линии: одна указывает на временную составляющую – что это относится к прошлому (*детство, воспоминания, прошлое*), а другая дает четкую картину, связанную с содержанием праздника 7 ноября (*революция/ годовщина революции, демонстрация, история*), и с его смысловой сутью (*единство, народ, память*). Показательным для нашего исследования является то, что несмотря на отмену данного праздника более 10 лет назад, люди дают четкие ответы о его содержании и форме празднования. Несомненно, на это повлиял довольно продолжительный период отмечания этой даты, но главное, как нам кажется, состоит в другом: смысловая нагрузка этого праздника ровно ложилась на восприятие каждого, поскольку не противоречила общей идеологической направленности, пронизывающей все сферы жизнедеятельности, и даже, наоборот, укрепляла ее. Этот праздник давал четкое представление о том, *что, зачем* и *как* праздновать – необходимые компоненты, отражающие смысл любого явления.

Есть еще одна примечательная деталь, выявленная при обработке ответов. Поскольку годовщина революции – это чисто идеологический государственный праздник, то недостающую теплоту и душевность этого дня люди восполняли домашним застольем, что придало этому празднику некоторый оттенок семейного характера. Подтверждением этому служат такие слова: *родители* (*родственники*), *семья/ семейный, радость, подъем, стол* – они не набрали больших показателей у респондентов, что вполне закономерно в виду отмены данного праздника, но сам факт их проявления продемонстрировал, что картина праздника очень схожа с той, которую мы получили на первом этапе нашего исследования. Очевидно, она является привычной для отвечающих – той, которая соответствует их пониманию и ожиданию. Получилось, что праздничный день 7 ноября, соединив в себе общественно-государственную и семейную составляющие, стал для людей в свое время настоящим праздником с ясным смыслом и содержанием.

Выводы

Теоретический анализ исследуемой проблемы показал, что «взаимодействие» праздника и личности происходит на просоциальном уровне смысловой сферы, который включает коллективистскую, общественную и общечеловеческую смысловые ориентации.

Результаты исследования (полученные на обоих этапах нашего исследования) выявили, что субъективную картину праздника современного человека составляют: *родственники*, *радость*, *стол*; содержательно они оказались самыми личностно значимыми.

Наиболее отчетливо смыслообразующие признаки отразились в субъективной картине праздника 7 ноября, что является наглядным примером того, что наличие идеологической составляющей способствует более ясному выстраиванию смысловых элементов и повышает долю вероятности принятия личностью предлагаемых постулатов.

Обобщая полученные выводы, можно заключить, что принятие личностью нового праздника произойдет лишь тогда, когда провозглашаемые ценности или значимость события будут включены в смысловую сферу личности в качестве своих собственных.

Литература:

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва: Художественная литература, 1990. 545с.

2. Борисова А.М. Психолого-мировоззренческое значение праздника для современной личности / Современная личность: Психологические исследования. Сборник научных статей. Москва: Изд-во Институт психологии РАН, 2012. 392 с.

3. Братусь Б.С. Психология личности / Психология личности. Т.2. Хрестоматия. Самара: Изд. дом БАХРАХ, 1999. 544 с.

4. Воловикова М.И. Психология и праздник: Праздник в жизни человека / Тихомирова С.В., Борисова А.М. Москва: ПерСэ, 2003. 143 с.

5. Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. Москва: Наука, 1978. 392 с.

6. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. Москва: Гардарики, 2007. 384 с.
7. Рашковский Е.Б. Православные праздники. Москва: Эксмо, 2008. 224 с.
8. Элиаде М. Священное и мирское. Москва: Изд-во МГУ, 2013. 144 с.

References:

1. Bahtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura srednevekovya i Renessansa. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1990. 545s.
2. Borisova A.M. Psihologo-mirovozzrencheskoe znachenie prazdnika dlya sovremennoy lichnosti / Sovremennaya lichnost: Psihologicheskie issledovaniya. Sbornik nauchnyih statey. Moskva: Izd-vo Institut psihologii RAN, 2012. 392 s.
3. Bratus B.S. Psihologiya lichnosti / Psihologiya lichnosti. T.2. Hrestomatiya. Samara: Izd. dom BAHRAH, 1999. 544 s.
4. Volovikova M.I. Psihologiya i prazdnik: Prazdnik v zhizni cheloveka / Tihomirova S.V., Borisova A.M. Moskva: PerSe, 2003. 143 s.
5. Mazaev A.I. Prazdnik kak sotsialno-hudozhestvennoe yavlenie. Moskva: Nauka, 1978. 392 s.
6. Stepin V.S. Filosofiya nauki. Obschie problemyi: uchebnik dlya aspirantov i soiskateley uchenoy stepeni kandidata nauk. Moskva: Gardariki, 2007. 384 s.
7. Rashkovskiy E.B. Pravoslavnyie prazdniki. Moskva: Eksmo, 2008. 224 s.
8. Eliade M. Svyaschennoe i mirskoe. Moskva: Izd-vo MGU, 2013. 144 s.